

СУДЬБА МОЯ, СЦЕНА

Театр захватил его сразу. Теперь уже Виктор Мекш и не помнит, каким он был, этот впервые увиденный им спектакль. Но тогда же он понял одно, раз и навсегда: он должен быть там, на сцене, вместе с этими жизнерадостными, остроумными, необыкновенными людьми, которые так ловко побеждают зло и славят все лучшее в человеке. И как все это ярко и прекрасно! И как не хватает слов рассказать обо всем этом...

И вот: приняли! В Кемеровский театр. Тогда же в Кемерове определили его амплуа: острохарактерный актер. Если подумать, крупная это фигура в театре — острохарактерный актер: не один спектакль без него не обходится. А если при этом «божем дар» доискаться и вскрыть поглубже социальное зерно образа — какой всплеск благодарности можно разом вызвать в зрительном зале...

Даже если это эпизод. Как, например, фельдфебель в спектакле «Порт-Артур». Слов в этой роли отчаянно мало. Главным образом, команды: «Становись!», «Разойдись!». Какая уж тут драматургия. Но почему-то нельзя забыть этого маленького, напыщенного человека с его грозными и стеклянными глазами... По остроте внешнего рисунка и психологического заряда — это целое явление. Где-то рядом с этим фельдфебелем все время ходит чеховский унтер Пришибеев, получивший наконец-то власть над людьми. Власть, правда, не абсолютная — сам под сапогом

высшего чина ходит, но — власть! Так почему бы не выместить злобу на ближнем своем за все разом, — и за собственные унижения, и за собственное ничтожество? Почему бы не убить в солдате то, что еще не убито? Идет солдат на опасное дело — снимай с него добротные сапоги — не все ли равно, в чем ему умирать?..

И все это ярко, сочно, с присущими Мекшу значительностью, щедрым колоритом. Гнева его фельдфебель не вызывает. Скорее, шемящее чувство при виде еще одного уродливого явления, поверженного и растоптанного нелепыми обстоятельствами человеческого существа... Во всяком случае, это достойный пример того, как эпизод становится ролью, да еще и в высокой ее формации — гротеске.

Откуда все это могло явиться? От собственного замысла и дара? От режиссера? Безусловно. Но есть, думается, и еще одна основа: Виктор Мекш за 11 лет своей сценической деятельности довольно много повидал. Ростов, Жданов, Котлас, Гомель. Вот примерная география его творческого опыта. Это не было малопочитаемой «охотой к перемене мест». Это было следствие неодолимых и тяжелых сомнений — актерских и личных. Кто я? Зачем я на сцене? О том ли я говорю сегодня с людьми? Пошла полоса творческих неудач. Было это не так давно, в Хабаровске. Вокруг стали говорить: «Что же это он?». Были и насмешки: «Не много же он смог!.. И вот за-

хотелось такой среды, где бы в точности поняли, что с ним происходит, где бы можно было выступить как бы заново. Играть, играть!..

Чувствовал, что двухгодичная студия при Ждановском театре дала хотя и добротные, но азы. Чувствовал, как много ему недостает в этом сложнейшем и тончайшем деле. Стал панически бояться своего выхода на сцену. Зазвучали фальшь и пустота и в тех образах, которые были поняты до последней запятой. Что это? Может быть, бросить все — мало ли хороших профессий на свете.

Если бы это было возможно — бросить, забыть и жить дальше, как ни в чем не бывало... Нет!

Кстати, такую ломку природы испытывают многие творцы, когда уж не так молод, чтобы выучало природное обаяние. И еще далеко не мастит. Главное, чтобы все это пошло рано или поздно на пользу. Все. Даже страдания и потери, поражение.

Потом явился нам из далекого смутного времени — страдалец и борец за народную правду Емеля в спектакле «Царь Юрий» и безусловно усилил престиж своего исполнителя — Виктора Мекша, которому по ходу действия пришлось перевоплотиться дважды. Сначала — это рассудительный и благо-разумный правдоискатель, коих было немало на Руси. Потом Емеля стал дурачком. Но не простым, а умным. Если бы актер просто спрятался за эту

маску, должно быть, и это было бы неплохо — помог бы «лишнейский» дар его. Но Мекш всей душой поверил и почувствовал позицию своего героя, его классовое и личное отчаяние и безысходность. В голосе его зазвучали нескрываяемо публицистические обличения, по-крестьянски собивчивые и негладкие, но бьющие прямо в цель. И засверкало величие и бесстрашие народной души, природный ум народа — смятенного, подавленного, сбитого с толку самозванными правителями.

Правдивость, простота, обаяние и заразительность образных построений актера послужили ему и в успешном создании характера Володи в пьесе «Валентин и Валентина». Это хозяин своей судьбы. Человек сильный, уверенный в себе и в своей необходимости людям. А что деньги в вагоне пригоршнями сыпал — это так... От широты природы. Добро должно быть сильным и равнодушным — вот что вычерчивает актер в своей сверхзадаче и что вызывает у зрителя самые положительные эмоции.

Актерская индивидуальность Виктора Мекша, безусловно, симпатична. Но есть одно тревожное наблюдение: роли его, несмотря на разность эпох, все же лежат в одной плоскости. Сила и правда их ясна с самого начала и до конца. И судя по тому, как жадно хватает актер за малейшее психологическое движение вглубь своих ролей, думается: не тоскует ли он по иной диалектике души иных героев, которым отпущено на долю и мудрости побольше и тайны их поглубже...

Е. СЕМЕНОВА.

Иркутская звезда
Г. Хабаровск

30 APR 1972